

VII

"БРОСАЙСЯ ПРЯМО В ПЛАМЯ!"

Некрасов прожил в деревне меньше трех месяцев, хотя уезжал на все лето и на осень. Из писем Чернышевского, у которого он постоянно бывал перед отъездом, мы знаем, что планы были другие. "Некрасов уехал в деревню, говорит, до ноября", - сообщал Николаи Гаврилович Добролюбову в Италию (15 июня 1861 года); "Некрасов в деревне, где думает прожить долго" (ему же, 28 июня 1861 года).

Однако между 9-м и 13 сентября он уже вернулся в Петербург {Указание "Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова" (1935), будто бы поэт возвратился в Петербург до 20 августа, не соответствует фактам. 9 сентября Добролюбов писал ему еще в деревню.}.

Вряд ли можно сомневаться, что только важные обстоятельства могли заставить Некрасова намного раньше срока покинуть деревню, отказаться от успешной работы над стихами и пренебречь осенней охотой. Его влекли в столицу беспокойство за журнал, тревожные слухи об усилившихся репрессиях против передовых деятелей, печати, студенчества. Молва особенно упорно повторяла весть об аресте Чернышевского - она докатилась даже до заграницы и, конечно, проникла в Грешнево. Одного этого было достаточно, чтобы Некрасов поторопился в обратный путь. "С лета прошлого года, - писал сам Чернышевский, - носились слухи, что я ныне-завтра буду арестован. С начала нынешнего года я слышал это каждый день" (20 ноября 1862 года). В столице Некрасову предстояли тяжелые испытания.

Руководители "Современника" не могли ограничиваться пропагандой со страниц журнала - они стремились найти пути перехода к практическому делу, старались сплотить вокруг себя еще немногочисленных тогда революционеров, людей, готовых к самопожертвованию во имя освобождения народа. Их воодушевлял рост недовольства в массах, особенно после крестьянской реформы, осуществленной в интересах помещиков. Все более накалявшаяся общественная атмосфера способствовала появлению надежд на возможность и относительную близость крестьянской революции.

Характеризуя политическую обстановку в России начала 60-х годов, В. И. Ленин указывал: "Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии... распространение по всей России "Колокола", могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян... - при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание - опасностью весьма серьезной" {В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29-30.}.

Однако силы реакции сумели одержать верх, революция не произошла. Крестьянство, сотни лет бывшее в рабстве у помещиков, не могло подняться на открытую сознательную борьбу против самодержавия. И все-таки утопическая вера шестидесятников в возможность революции не была бесследной - она вызвала к жизни героические фигуры борцов за свободу, укрепила и продолжила революционную традицию, она породила подъем освободительных настроений в обществе, что отозвалось и в журналистике и в литературе, в том числе в поэзии Некрасова.

Кружок "Современника" пришел к мысли о необходимости усилить пропаганду, в том числе нелегальную, всеми средствами воспитывать и готовить народ к революционному выступлению. Этой цели должны были служить такие важнейшие документы, как революционные прокламации, сделавшиеся одной из отличительных черт эпохи 60-х годов. Лучшие из этих прокламаций вышли из круга некрасовского "Современника".

В середине июля 1861 года, когда редактор "Современника" еще бродил с ружьем по ярославским лесам и полям, в Петербург вернулся из-за границы один из членов редакции

журнала, руководивший его иностранным отделом, Михаил Ларионович Михайлов. В двойном дне своего чемодана он привез шестьсот экземпляров прокламации "К молодому поколению", отпечатанной в Лондоне, в типографии Герцена. Этот обширный документ, резко критиковавший власть, государство и самого царя, Михайлов написал вместе с Шелгуновым. Примерно в это же время в Россию возвратился Добролюбов.

Прокламация призывала молодое поколение "всех сословий" возглавить стихийное крестьянское движение, осуждала реформу: "Во-первых, государь обманул ожидание народа, - дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна". В конце же прокламации говорилось: "Обращаемся еще раз ко всем, кому дорого счастье России, обращаемся еще раз к молодому поколению. Довольно дремать, довольно заниматься пустыми разговорами... Довольно корчить либералов, наступила пора действовать..."

Михайлов был давним сотрудником журнала, другом Некрасова и близким другом Добролюбова. Многие современники, знавшие этого замечательного человека, с полной определенностью отзывались о твердости его убеждений, о созревшей готовности принять участие в "святом деле". Один из них (П. В. Быков), встречавший Михайлова у петербургских знакомых, рассказывает: "Голос его слегка дрожал, когда он говорил, что народ просыпается, прозревает, и скоро нужно ждать дня, когда он поднимется и "растопчет многоглавую гидру" (подлинные слова его)". Другой мемуарист (писатель П. Д. Боборыкин) отмечает, что Михайлов производил впечатление человека, который "сжег свои корабли".

Разумеется, все это знал и Некрасов.

Первого сентября к Михайлову, жившему в одной квартире с Шелгуновыми, явились жандармы с обыском. Листы прокламации, спрятанные в печке, под золой, не были обнаружены. После этого Михайлов решил поторопиться. В ближайшие же дни с помощью Шелгунова, брата его жены - Евгения Михаэлиса и Александра Серно-Соловьевича он "с замечательной смелостью" (слова современника) распространил прокламацию по городу. Почта доставила по одному экземпляру даже нескольким министрам и самому графу Шувалову, начальнику Третьего отделения.

Некрасова в это время еще не было в Петербурге. Но Добролюбов уже вернулся, причем гораздо раньше предполагавшегося срока - не потому ли, что его влекли дела, связанные с начинавшимся "периодом прокламаций" {Такое предположение высказано Ю. Д. Левиным в статье "Об отношениях Н. А. Добролюбова и М. Л. Михайлова в 1861 году" (Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1961, т. XX, вып. 5)}. Стремясь домой вопреки советам врачей, он писал Панаевой: "Теперь не время думать о своем здоровье и сидеть сложа руки за границей, когда столько есть дела в Петербурге".

Несомненно, Добролюбову были известны подробности, касающиеся распространения прокламации Шелгунова-Михайлова. И потому он решил предупредить Некрасова как редактора журнала о возможных неприятностях, к которым следовало быть готовым. К тому же он, вероятно, хотел ускорить его приезд. Но Некрасов и сам почувствовал, что надо спешить, и выехал из Грешнева, не дождавись письма Добролюбова (оно было послано 9 сентября). В письме этом в полуэзоповской манере сообщались, главные новости. Делался намек на оживление нелегальной деятельности: "Здесь возникает, не знаю надолго ли, какое-то подземное действие". Затем, учитывая возможность перлюстрации письма (и не ошибаясь в этом), Добролюбов постарался в чуть шутливых интонациях изложить очень важные факты. Он явно пытался отвести подозрения от Михайлова в глазах тех, кому могло попасть в руки письмо. Он писал: "... По городу бегают и рассылают листочки, напечатанные тайно и объясняющиеся без всяких церемоний {Видно, что эти "листочки" были хорошо известны Добролюбову}. Вследствие этого, конечно, розыски, полицейские строгости, чудовищные слухи. Только и слышишь, что того обыскивали, того взяли; большею частью, разумеется, оказывается вздором, у Михайлова был жандармский обыск с неделю тому назад; с тех пор я каждый день встречаю людей, уверяющих, что он арестован. Третьего дня вечером я видел Михайлова еще на свободе, а вчера опять уверяли меня, что он взят. Оно бы и не мудрено - в течение ночи все может случиться, да ведь взят-то не за что - вот беда!.. Михайлова взят - ведь это курам на смех!" {Письмо Добролюбова, не заставшее Некрасова в Грешневе, было возвращено отцом

поэта в Петербург. Здесь оно было перлюстрировано в Третьем отделении, в архиве которого сохранилась копия части письма. Примечательно, что письма к Некрасову в это время подвергались перлюстрации.}

Все это письмо (особенно слова "еще на свободе") показывает, что арест Михайлова не мог бы удивить его друзей. Добролюбов, зная, что прокламация в первых числах сентября разбросана по городу, был уверен, что со дня на день могут взять ее отважного распространителя. И ставил об этом в известность Некрасова.

Слухи, на которые ссылается Добролюбов, ненадолго опередили события. 14 сентября Михайлов был заключен в Петропавловскую крепость. В этот же день Шелгунов спешно отправился к больному Добролюбову, чтобы рассказать ему подробности относительно второго обыска и ареста. Видимо, Шелгунов беспокоился за Добролюбова как человека, тесно связанного с Михайловым. Он и дальше держал его в курсе событий.

Литературные круги были взволнованы арестом Михайлова. На другой же день Некрасов, Добролюбов и Панаев в числе других литераторов подписали петицию на имя министра народного просвещения Е. В. Путьгина. В петиции говорилось: "Мы, ниже подписавшиеся редакторы и сотрудники петербургских журналов, с глубоким прискорбием узнали, что вчера один из наиболее уважаемых литераторов подвергся аресту... Мы не знаем, в чем обвиняется М. Л. Михайлов... Мы знаем только, что вся литературная деятельность этого писателя направлена была к самым благородным и высоким целям..."

Тридцать литераторов просили министра защитить интересы "одного из лучших наших товарищей", а тем самым и интересы литературы. Многие из подписавших петицию, вероятно, не знали, а другие делали вид, что не знали, какого рода деятельность вел Михайлов. Однако участь его была порешена, улики, собранные при помощи провокатора, - неопровержимы. Поэтому Александр II очень рассердился, прочитав письмо тридцати литераторов, нашел его "совершенно неуместным" и повелел объявить каждому из них строгий выговор от имени государя.

Молодой гвардейский офицер Владимир Александрович Обручев начал сотрудничать в "Современнике" в конце 50-х годов. Мы уже упоминали его статью "Невольничество в Северной Америке", напечатанную во время подготовки к отмене крепостного права. Он сблизился с Чернышевским, был знаком с Добролюбовым. Именно в его квартире он встретился с Некрасовым, только что приехавшим из деревни. Забытый рассказ Обручева об этом еще раз подтверждает, что Некрасов вернулся именно в сентябре:

"Это была уже осень, сентябрь. Мне тогда поручено было составить для "Современника" политическое обозрение, и по этому случаю мне пришлось быть два или три раза у Добролюбова, незадолго перед тем вернувшегося из-за границы, больного, уже не надеявшегося жить. В одно из этих посещений, когда, кроме меня, был еще кто-то из сотрудников, неожиданно вошел Некрасов, только что приехавший из деревни. Он радостно приветствовал Добролюбова, они облобызались, а мы сочли долгом моментально ступешаться. При следующем свидании Добролюбов мне сказал, что по впечатлению, вынесенному Некрасовым за время бытности в деревне, "ничего не будет".

Это означало, что надежды на крестьянское восстание не оправдались. Таково было впечатление очевидца, хорошо знавшего и только что видевшего деревню. Конечно, он не случайно объявил о своих наблюдениях Добролюбову, жаждавшему узнать - будет или не будет. А Добролюбов не случайно рассказал об этом Обручеву.

Не прошло и месяца после описанной встречи с Некрасовым, как Обручев был арестован за распространение прокламации "Великорус". Это была вторая жертва из круга "Современника". Обручев получил прокламацию скорее всего из рук Чернышевского. Это подтверждается их близостью как раз осенью 1861 года и упорным нежеланием Обручева назвать "сообщника" во время следствия; он проявил много изобретательности, чтобы доказать, почему не может назвать лица, вручившего ему прокламацию. А позднее, уже отбывая наказание в Сибири (три года каторжных работ и поселение), он более определенно

заявил властям: "Человек, передавший мне для распространения в публике экземпляры этого листка, ни для кого уже не может быть опасен".

Мысль о крестьянстве, обманутом "волей", о страданиях по-прежнему угнетенного народа лежала в основе всей нелегальной деятельности русских революционных демократов, группировавшихся вокруг "Современника". Во время следствия Обручев так объяснял мотивы совершенного им поступка: "Я был приведен к желанию крутых реформ тяжкою участию нашего простого народа, бедностью его жилищ и одежды, негодностью пищи, грубостью нравов... почти полную невозможностью для него достигнуть лучшей доли".

Михайлов, объясняя побуждения, заставившие его вступить на путь тайной борьбы, писал об этом в своих показаниях еще более энергично: "Не скрою, что выйти из сферы моей обычной скромной деятельности заставили меня горькая боль сердца при вести о печальных случаях усмирения крестьян военною силою и опасения, что эти случаи могут долго еще повторяться в будущем... Покойный отец мой происходил из крепостного состояния, и семейное предание глубоко запечатлело в моей памяти кровавые события, местом которых была его родина... Такие воспоминания не истребляются из сердца".

* * *

Стремление пробудить народное сознание, приготовить его к борьбе руководило Чернышевским как в его журнальных выступлениях 1861 года, так и в документах, назначенных для нелегального распространения. Выделяется своей смелостью напечатанная в "Современнике" статья "Не начало ли перемены?"; здесь Чернышевский, опираясь на стихи Некрасова, доказывал, что крестьянин сам должен взяться за дело, проникнуться сознанием своей силы. Он цитировал "Песню убогого странника" из только что напечатанных "Коробейников":

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Чернышевский, приведя эти строки, писал: "Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. "Я живу холодно, холодно". А разве не можешь ты жить тепло?.. Разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, - чего же ты смотришь?.." В условиях, когда крестьяне фактически были освобождены без земли, эти слова звучали со страниц журнала прямым призывом - захватывать землю, отбирать ее у помещиков: "Чего же ты смотришь?.."

С еще большей силой та же мысль выражена в главной прокламации того времени "Барским крестьянам от их доброжелателей поклон", где Чернышевский уже объяснялся "без всяких церемоний". Он звал крестьянство к объединению, к восстанию, рассказывал, как помещики и царь обманули народ, не дав ему ни земли, ни настоящей воли.

"Земля и воля" - этими словами, вобравшими в себя центральную проблему эпохи, была названа первая тайная организация 60-х годов, идейным вдохновителем которой стал Чернышевский. К концу 1861 года эта организация начала складываться вокруг "Современника" и его руководителей. Чернышевский и Добролюбов, еще с 1859 года начавший собирание оппозиционных сил, стремились к расширению нелегальных связей; умело используя свое влияние, они приближали к журналу студенчество, молодых военных, участников различных кружков, сложившихся под влиянием пропаганды "Современника". Многие люди, близкие к журналу, стали организаторами и участниками "Земли и воли" - А. А. Слепцов, офицеры В. А. Обручев и его двоюродный брат Н. Н. Обручев, братья А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, братья В. С. и Н. С. Курочкины - это были деятели молодые, честные и самоотверженные, горячо преданные народному Делу. В объединении этих деятелей, в расширении революционной

пропаганды, в подготовке смелого натиска революционной "партии" на самодержавие исключительно велика была роль Чернышевского.

Знал ли об этой его роли Некрасов?

Этот вопрос не раз задавали себе исследователи. В. Евгеньев-Максимов высказал мнение, что "Чернышевский, из соображений конспиративного порядка, скрывал от Некрасова эту сторону своей деятельности", хотя, будучи человеком "необыкновенного ума", Некрасов мог и догадываться о его участии в нелегальной работе {В. Евгеньев-Максимов, Некрасов и его современники. М., 1930, стр. 195.}.

Думается, этого мало. Вряд ли осведомленность Некрасова могла сводиться к одним только догадкам. И маловероятно, что Чернышевский, как и Добролюбов, видевший в Некрасове единомышленника, стал бы скрывать от него столь важную сторону своей деятельности из конспиративных соображений. Некрасов был известен как человек сдержанный и даже скрытный, - к этому его обязывала позиция подвергавшегося постоянным преследованиям оппозиционного журнала, который он возглавлял? Нельзя ведь считать случайностью однажды вырвавшиеся у него стихи:

Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом...

Чернышевский прямо говорил о том, как много значил для его деятельности Некрасов: "Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал". Нужно ли было от такого человека скрывать то, чему он, несомненно, сочувствовал?

Некрасов, со своей стороны, видел в Чернышевском самоотверженного борца, твердо ступившего на "тернистый путь", с которого нет возврата, человека, понявшего невозможность "служить добру, не жертвуя собой"; об этом ясно говорит стихотворение "'Пророк'", хотя оно рисует образ революционера вообще, но в нем есть и черты Чернышевского. Приведя полностью это стихотворение, исследователь эпохи 60-х годов М. К. Лемке, лично встречавший многих ее деятелей (М. Антоновича, М. Н. Чернышевского, Л. П. Шелгунову и др.), говорит о Некрасове следующее: "Заметьте, что это писал человек, знавший Чернышевского, из дня в день восемь лет... восемь лет беседовавший с ним о самых различных вопросах и при самых различных обстоятельствах. Ему ли, чуткому и проницательному, не понять было вождя своего журнала?!" {Мих. Лемке, Политические процессы в России 1860-х годов, 2-е издание. М. -П., 1923, стр. 166.}

Сам же Некрасов в письме Добролюбову, написанном весной 1861 года, счел нужным обратить его внимание на резко усилившуюся общественную активность Чернышевского: "... репутация его растет не по дням, а по часам - ход ее напоминает Белинского, только в больших размерах" (3 апреля 1861 года).

Сравнение с Белинским можно понять только в смысле все расширяющейся популярности и растущего влияния Чернышевского на общество, причем речь шла прежде всего о революционном влиянии.

Известно, что Чернышевский был на редкость искусный конспиратор, потому-то власти и медлили с его арестом: не находили прямого повода для расправы. И тем не менее слухи о его причастности к подпольному движению выходили далеко за пределы "Современника": в одном из его руководителей не без оснований подозревали вдохновителя кружков молодежи, организатора студенческих сходок, автора прокламаций.

Был случай, когда после майских петербургских пожаров 1862 года к нему явился Достоевский с просьбой - не может ли он урезонить молодежь, которая будто бы причастна к организации поджогов и распространению листовок. Примерно так же понимали влияние Чернышевского и в официальных сферах. Намеки на его руководящую роль в

противоправительственном движении проникали даже в печать. Так, по поводу одной из его статей газета "Наше время" (от 22 мая 1862 года) весьма язвительно писала: "Наконец он... обещает, что, насколько делание или неделание демонстраций зависит от воли студентов, демонстраций не будет. Мы вполне полагаемся на его слова. Кому, как не камергеру, знать, что делается при дворе!"

В одном из документов Третьего отделения говорилось, что Чернышевский "пользовался авторитетом между молодым поколением, которое он, с своей стороны, старался возвысить в глазах общества... Он составил себе отдельный круг знакомства, по преимуществу из молодых людей, и притом недовольных правительством, лжепрогрессистов и лиц, сделавшихся государственными преступниками {Видимо, подразумевались М. Михайлов, В. Обручев и др.}; собрания у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили в ночное время... Корреспонденцию он имел огромную и вел ее не только в России, но и за границей".

Разве не то же самое имел в виду Некрасов, когда писал, что репутация Чернышевского "растет не по дням, а по часам"? Близко и каждодневно общаясь с Чернышевским и Добролюбовым, с Михайловым, которого он высоко ценил, Некрасов не мог не замечать создавшейся вокруг журнала атмосферы конспиративных разговоров, тревожных ожиданий, напряженной деятельности. По сути дела, он сам был участником этой деятельности.

* * *

Среди причин, заставивших Некрасова раньше времени выехать из деревни, была еще одна, сильно его удручавшая - болезнь Добролюбова. Критик вернулся из-за границы, не поправив своего здоровья. И хотя он еще бывал в редакции, ездил в типографию, воевал с цензорами, но всем было ясно, что делается это из последних сил. Он и сам чувствовал, что скоро сляжет.

Добролюбов решил обратиться к Авдотье Яковлевне Панаевой, лечившейся за границей, с просьбой, которую он изложил так: "Если Вам возможно, то вернитесь поскорей в Петербург, Ваше присутствие для меня необходимо. Я никуда не гожусь!.. Я убежден, что если Вы приедете, то мне легче будет перенести болезнь. Я не буду распространяться о моей благодарности, если Вы принесете для меня эту жертву" (около 21 сентября 1861 года).

Авдотья Яковлевна приехала в начале октября и с материнской заботливостью ухаживала за больным. Много внимания она уделяла и малолетним братьям Добролюбова, которых он давно уже взял к себе из Нижнего.

Дни его были сочтены. К обострившемуся туберкулезу, к общему истощению организма - результату непомерного труда прибавлялись еще нравственные страдания. Многие считали, что причины общественного характера, усиление политической реакции также обостряли течение болезни. Одна только расправа с Михайловым произвела самое гнетущее впечатление на больного (хотя он и не мог знать, что во время допроса у Михайлова спросили, знаком ли он с писателем Добролюбовым и встречался ли с ним за границей). Преследования студенчества, закрытие университетов, столкновения студентов с полицией в Москве, о чем сообщил московский приятель, - все это тревожило и волновало умирающего.

Около месяца он лежал в квартире Некрасова и Панаевых. Приглашали лучших врачей. Приходили и подолгу сидели друзья. Затем его перевезли домой, где он и умер в ночь на 17 ноября. Некрасов, Чернышевский почти безотлучно находились около Добролюбова, потрясенные бессмысленной гибелью "юноши-гения" (слова Некрасова).

Похороны Добролюбова на Волковом кладбище морозным утром 20 ноября были одной из первых в России общественных демонстраций. За гробом шло больше двухсот человек; провожавших было бы еще больше, но как раз в это время студентами, почитателями покойного литератора, были забиты почти все казематы Петропавловской крепости.

Когда гроб вынесли из церкви на паперть, произнесли речи Некрасов и Чернышевский. У могилы говорили Антонович и Н. Серно-Соловьевич. Некрасов говорил сквозь слезы, один раз он даже на минуту умолк, потому что слезы душили его. Из отчетов, помещенных в журналах, мы знаем, что Некрасов сказал несколько прочувствованных слов о личности и самобытном даровании покойного. Он заявил, что завещанием умершего литератора для собратьев по труду был его постоянный девиз "меньше слов и больше дела". В речи Некрасова были и такие слова, которые не могли войти в журнальный отчет о похоронах (он опубликован в "Русском слове"), но сохранились в передаче полицейских агентов, шнырявших в толпе. Один из них сообщал, что оратор приписал смерть Добролюбова душевному горю "вследствие многих неприятностей". Он сказал также, что Добролюбов "умер, к несчастью, слишком рано, мог еще много совершить, ибо он занимался делом, а не голословил, и советовал последовать его примеру".

После Некрасова говорил Чернышевский. Он прочитал отрывки из дневника покойного, где были записи о цензурных репрессиях, о преследовании студентов, - все это волновало больного. К этому Чернышевский прибавил - "Но главная причина его ранней кончины состоит в том, что его лучший друг - вы знаете, господа, кто - находится в заточении".

Всем было понятно, что здесь подразумевался Михайлов, за месяц до этого приговоренный к шести годам каторжных работ. Тут же, во время похорон, был организован сбор денег в пользу революционера, недавнего сотрудника "Современника".

Речь Чернышевского, как и речь Некрасова, произвела большое впечатление на собравшихся. Какой-то военный, пораженный смелостью оратора, сказал своему соседу:

- Какие сильные слова! Чего доброго, его завтра или послезавтра арестуют.

Некрасов вернулся с Волкова кладбища, полный горестных ощущений. Они тут же вылились в стихи:

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл, -
Под землю в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода...

В стихотворении, озаглавленном "20 ноября 1861 года", нет ни слова о самом Добролюбова, здесь только один "неотразимый образ", зрительное впечатление о "мертвом друге", оставшемся там, в промерзшей земле:

... Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

Зато немного позже, через полтора месяца, Некрасов дал глубокую и сильную оценку личности Добролюбова, сказал о гражданском значении его деятельности. 2 января 1862 года он выступил в зале Первой гимназии на вечере в пользу бедных студентов с чтением стихов Добролюбова. По словам Панаевой, публика встретила и проводила его шумными аплодисментами. Перед тем как приступить к чтению, Некрасов рассказал своим слушателям о том, как много успел сделать за каких-нибудь четыре года "этот даровитый юноша, соединявший с силою таланта глубокое чувство гражданского долга, составлявшее основную отличительную черту покойного и как писателя, и как человека".

Свою вступительную речь вместе со стихами и переводами Добролюбова из Гейне Некрасов тогда же напечатал в январском номере журнала (1862) {В том же номере появились и "Материалы для биографии Н. А. Добролюбова", подготовленные Чернышевским.}. В этой речи он наиболее подробно выразил и свое понимание деятельности Добролюбова, и жгучую боль утраты. Самое же важное: он впервые дал представление о нем не только как о литераторе, но как о революционном работнике, готовившем себя к "святому делу". Это подтверждает, что Некрасов был полностью осведомлен относительно тайной деятельности своих главных сотрудников. Иначе трудно понять его указание, что Добролюбов "сознательно берег себя для дела", что он отдавал "себя всецело на жертву долга, как он понимал его".

Более того, Некрасов счел нужным привести в своей речи четверостишие Добролюбова "О, погоди еще, желанная, святая!". Известно, что в нем шла речь о революции: поэт просил ее "помедлить", потому что народ еще не готов к ней. Странно было бы предполагать, что Некрасов не догадывался об этом. Однако он вынужден был создать впечатление, что стихи обращены не к революции, а к смерти. Для этого ему даже пришлось отбросить (в печати) последнюю строку ("И лучшие друзья не приподнимут рук"), заменив ее многоточием, поскольку она не вязалась с темой смерти. Впрочем, слова "желанная, святая" тоже не вязались с этой темой: желанной и святой поэт называл революцию. И Некрасов, конечно, сознательно допустил эту неясность - лишь бы познакомить читателей с одним из стихотворений Добролюбова о революции; пришлось только слегка затуманить его смысл.

Закончил же он свое выступление в зале Первой гимназии на высокой лирической ноте, это был настоящий реквием в честь погибшего друга: "... что касается до нас, то мы во всю нашу жизнь не встречали русского юноши, столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного! Наше сожаление о нем не имеет границ и едва ли когда изгладится. Еще не было Дня с его смерти, чтоб он не являлся нашему воображению, то умирающий, то уже мертвый, опускаемый в могилу нашими собственными руками. Мы ушли с этой могилы, но мысль наша осталась там и поминутно рисует нам один и тот же неотразимый образ..."

Вслед за тем Некрасов прочел стихи, написанные 20 ноября, в день похорон (начиная со слов "Ты схоронен в морозы трескучие..."). Лишь через три года поэтический образ Добролюбова как общественного деятеля сложился у Некрасова в известных стихах, посвященных его памяти:

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!